

Андрей Кивинов

Целую, Ларин

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

Целую, Ларин

«Автор»

Кивинов А. В.

Целую, Ларин / А. В. Кивинов — «Автор», — (Улицы разбитых
фонарей)

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Кивинов

Целую. Ларин

*Мне б огреть тебя плетьюми,
Четырьмя али пятьми.
Чтобы ты не изголялся
Над сурьезными людьюми!
Но поскольку я спокоен
Чту порядок и закон, –
Вот тебе пятак на водку
И пошел отседа вон!*

Л. ФИЛАТОВ

ПРОЛОГ

– Взгляните, пожалуйста, на сидящих перед вами. Не встречали ли вы кого-нибудь ранее? Не спешите, можете рассмотреть повнимательнее.

Секундное замешательство. Затем – долгий, пристальный взгляд. Глаза перемещаются от одного к другому, потом назад, опять к первому.

– Может им встать?

Утвердительный кивок.

– Поднимитесь. Итак?

– Нет. – Пауза. – Я никого не знаю.

– Вы уверены?

– Да, уверен.

– Что ж... Хорошо. Подойдите, вот здесь распишитесь. Теперь понятые. Пожалуйста. Теперь вы... Спасибо. Все свободны.

Я сидел у дверей и бесстрастно наблюдал за происходящим. Молодой следователь, проводивший опознание, был явно огорчен его исходом. Красноватые пятна на щеках, опущенные вниз, на протокол, глаза. Скрывать эмоции в молодом возрасте довольно сложно. Особенно отрицательные. Мало того, что он сейчас отпустит на свободу преступника, так еще и по голове получит за незаконное задержание на трое суток. Конечно, неприятно.

Не скажу, однако, что я был безумно рад такому повороту событий.

Во-первых, из-за этой канители я не пообедал. А во-вторых, у меня пропал аппетит. Другое дело, что я совсем не удивился. Для следователя, конечно, неожиданность – как же так? Вроде, опознающий и приметы в протоколе подробные указал и даже фоторобот рисовать пытался? А как до опознания дошло – извините, не тот. Не узнаю. Мимо кассы.

Я быстро вышел из кабинета и в коридоре задержал потерпевшего.

– А может все-таки это он?

Мужчина смотрел в пол.

– Нет, не он, – некоторое время спустя тихо произнес он. – Тот, вроде, постарше был.

– Мы тут одни. Зачем скрывать очевидные вещи? Боитесь?

– Не боюсь. Не он это.

– Боитесь, боитесь. Застращали?

Молчание.

– Быстро, однако... Где, неужели еще в больнице?

Опять молчание.

– Ладно, идите. В следующий раз, когда вам ножом засадят, сами разбирайтесь. Без милиции.

Мужчина, понурившись, побрел на выход.

«Ну что за публика? Не народ – овцы. Их режут, а они только блеют. Войди нож на пару миллиметров подальше, и амба, не стоял бы ты сейчас в коридоре. А все равно: „Не узнаю“. Потому что страшно.

Так хоть с распоротым брюхом, но жить будешь, а опознаешь – что там потом... Могут и добавить. Так что, извините, не узнаю».

ГЛАВА 1

Я взял со стола исписанный крупным почерком листок и быстро пробежал по нему глазами.

- Молодец, почти без ошибок.
- Меня сегодня в КПЗ или здесь до утра?
- Сегодня.
- Этот-то что говорит, Пеликан?
- Все, что нужно, говорит.
- Хе... Чушок, он и есть чушок.

Я усмехнулся. Пеликан пока говорил далеко не то, что требовалось мне. Лепетал какую-то муру про то, что в парке, на другом конце города, в драке получил ножом в бок от неизвестного. Но ничего, это пока я не ткну ему в морду вот эту бумажку. Вот тогда он действительно скажет все, что надо. А не скажет, я помогу. Никуда не денется.

- Число поставь, – вернул я лист сидящему напротив парню.

Тот вывел внизу дату и, еще раз усмехнувшись, начал рассматривать свои потрепанные кроссовки.

Я открыл форточку, чтобы немного проветрить кабинет от никотина и водочного выхлопа.

Парня звали Саввой. Вернее, это была его кликуха, «погоняло». На самом деле, его звали Андреем, а кличка происходила от его фамилии – Саватеев. Савва был особо опасным. В двадцать шесть лет это весьма почетно. Всего – восемь лет отсидки. Но Савва никогда не кичился своей крутизной, по крайней мере, когда бывал в милиции. Среди блатных – мог, да и то, только по пьяни. Поэтому-то я так и удивился вчерашнему случаю. Хотя от блатных всего можно ожидать. А Савва, вероятно, представлял собой эталон блатного. Исколотый голубыми разводами татуировок – даже на веках красовалась незамысловатая надпись «ХОЧУ ТЕБЯ», – отлично знавший воровские традиции, он имел несомненный авторитет в микрорайоне. А авторитет завоевать нелегко. Еще труднее – поддержать. Только этим я мог объяснить вчерашнее приключение.

Накануне в пивном зале Савва сосал пиво в компании местной гопоты. На свою беду туда заглянул Пеликан, тоже судимый, только из другого района, но знавший Савву по зоне. Взяв кружку, Пеликан по-приятельски подсел к Савве. Савва презрительно сплюнул в сторону Пеликана и приказал ему валить отсюда. Тот вступил в совсем неуместную дискуссию: «Ну что ты, Саввушка, мы же не на зоне!»

Неизвестно, на что обиделся «Саввушка», то ли на уменьшительно-ласкательное прозвище, то ли на внешний вид Пеликана. Но так или иначе, он спокойно встал из-за стола, сходил на кухню, где барменша рубила селедочные наборы, попросил на минутку нож, вернулся в зал и на глазах у своих братьев засадил им Пеликану прямо в бок. После чего плюнул на упавшего собрата по зоне, возвратил нож на кухню и сел за свой столик, продолжая спокойно пить пиво. Пеликан, истекая кровью, доковылял до выхода и скрылся за дверью. Савва никуда не убежал, продолжая трепаться с корешками, как будто ничего и не случилось.

Объяснилось все просто. Пеликан был «чушком». «Опущенным». «Петухом». Даже разговаривать с ним было запад-ло, а тем более, сидеть за одним столом и пить пиво. Пеликан, вероятно, этого не допонимал. Но потом, конечно, врубился, поэтому и наплел мне про неизвестных в парке, когда я приехал к нему в больничку, откуда в милицию прилетела телефонограмма. Диагноз у него был нехилый – проникающее ранение живота, перерезанные кишки и так далее. Короче, сто восьмая, часть один. Ку-ку, до восьми лет.

Про Савву я, естественно, узнал не от Пеликана, а от своих людишек в баре, благо случай этот мусолился по двадцать раз на дню, постепенно обрастая всякими невероятными подробностями типа того, что Савва вообще начисто отрезал Пеликану башку.

Сегодня, придя с участковым в бар, я застал Савву на обычном месте, за своим столиком. Узнав меня, он не стал хвататься за нож, вставать в стойку, кричать всякие глупости, а спокойно вышел из-за стола и отправился вслед за нами. Савва был авторитетом. Это дурачки-малолетки выпендриваться начинают, прыгать, орать, за что и получают по своим бритым затылкам.

Уже на выходе он обернулся к приятелям, помахал разрисованными пальчиками и степенно выплыл из бара.

В начале нашей беседы он, скорее из приличия, поинтересовался, за что его привели. Когда же я объяснил, он еще минут пять, чисто символически, позапирался, а затем попросил лист бумаги. Без всяких там понтов и демагогии.

Савва, конечно, лукавил. Его объяснения, что «Пеликан сам наварлся» и что «зато теперь его на зоне с помпой встретят», яйца выеденного не стоили. Нет, нет, может, на зоне он и будет в фаворе, но чистосердечное он сейчас накатаł вовсе не по этой причине. Савва, что называется, просто созрел. Как груша, которая, если ее вовремя не сорвать, в один прекрасный момент упадет и превратится в лепешку. Так легко никто не сдается. Стало быть, логика проста

– спокойненько, не трепля себе и людям нервов, сяду, чтобы эти самые люди вдруг не копнули дальше и глубже.

А уголовка спокойно могла бы накопать в биографии Саввы лет, эдак, на пятнадцать – в этом я ничуть не сомневался.

– Андреич, – прервал мои мысли Савва, – там в дежурке бабки отобрали, ключи... Ты это, сигарет не купишь, пачек пять, а еще лучше папирос подешевле. И еще... Мне бы вещички не помешали, теплые. Позвони бабе моей, Мариш-ке, пусть принесет. Запиши телефончик.

Я чирканул номер на календаре.

– Значит так, брюки теплые пусть возьмет, ботинки черные, свитер и куртку старую. Потом, полотенце, чай в носки шерстяные.

– Чай отберут, ты ж знаешь.

Савва помолчал немного.

– И, Андреич, мне ж восьмерик корячится, ты бы это... Ну, в общем, с бабой хочу попрощаться.

– Это без проблем. Приведу в камеру и прощайтесь на здоровье.

– Андреич, неохота в камере. Чтобы пьянь всякая слушала. У тебя нельзя? Я ж не убегу, на окнах – решетки, а дверь ты закроешь. Да мне недолго, минут десять. Понимаешь, Маришка беременная, не хочу, чтобы аборт делала, надо уговорить.

Я пожал плечами. Странно как-то. Когда они наворотят дел, такая злость берет – разорвал бы. А как попадутся, вся злость куда-то пропадает. Человек как человек, такой же как я. Со своими крупными и мелкими проблемами и бедами, со своей нехитрой жизненной логикой.

– Хорошо, я позвоню ей.

– Спасибо. За мной зачтется.

– Да ладно, я понимаю все.

Я проводил Савву в камеру, позвонил его Маришке и в праздном бездельи пошел гулять по отделению. А что, могу и погулять, я сегодня сто восьмую раскрыл.

Следователь пока не приехал, мы стояли на очереди, так что время было. Я заглянул к Женьке Филиппову, моему коллеге, перекинулся с ним парочкой ласковых словечек, типа «А пошел ты...» – «А пошел ты сам...», полистал бульварную газетку в дежурке, сходил купил Савве папирос в ларьке и вернулся к себе. Маришка уже ждала возле дверей, сжимая в руках два полиэтиленовых пакета с вещами.

– Простите, это вы Ларин?

– Я, я, заходи.

Я осмотрел содержимое пакетов на предмет обнаружения оружия, наркотиков и прочих запретных штучек, ничего не нашел и сказав Маришке: «Посиди», пошел за Саввой.

Перед дверьми кабинета я напомнил ему про десять, от силы, двадцать минут и про попытку к бегству и, пожелав удачного прощания, запер кабинет, оставив рецидивиста наедине со своей зазнойбой.

Вообще-то выражение «запер кабинет» здесь несколько неуместно. В дверях был внутренний накладной замок, отпирающийся изнутри рукой или снаружи – ключом. А посему мне придется караулить Савву у дверей. Да ладно, пускай голубки пошепчутся. Вряд ли эта Маришка дождется Савву – она вроде ничего, найдет себе нового. Савва уж больно хлопотный.

Я сел на подоконник рядом с кабинетом и начал рассматривать улицу. Очередное лето. Потом очередная осень, потом, потом... Без остановки. Без передышки. А мы в этом времени. Тоже без остановок. Мы – рабы времени. Вон, Савва, он раб вдвойне. Что у него осталось? Десять минут свободы? Да и не свободы, а так...

Я прислушался. Не специально, а скорей по ментовской привычке. Из кабинета доносились какие-то непотребные звуки, годные разве что для эротического фильма. Но телевизора у меня нет, это точно. Так... Ну, Савва... Это ты, значит, свою наколку «Хочу тебя» в жизнь претворяешь? Мать честная, что ж эта Маришка так стонет, на весь коридор слышно... Интересно, а где они этим занимаются? Дивана-то у меня нет, а раскладушку Филиппов забрал. Так-так-так. Значит, на столе. Ну, Савва... Он хоть дела отодвинул или прямо на них? Черт, а сам-то я убрал «секретки» в сейф или на столе оставил? Все, хватит, время вышло. Через восемь лет продолжите.

Я достал ключи, позвенел ими для приличия и только было собрался войти в кабинет, как вдруг...

Да, везет мне. Вы никогда не замечали такой штуки? Только начинаешь обнимать красивую женщину, распаясь все больше и больше, только твои мысли направляются в строго определенное русло и до самого интересного остаются считанные секунды, как вдруг раздается звонок в дверь. Правда, приятно? Что может быть лучше? Вот такое же примерно наслаждение я сейчас и испытал.

Вот только роль звонка исполнял голос Мухомора, моего непосредственного и очень строгого шефа. За спиной Мухомора угрожающе поднималась фигура замполита – воспитателя личного состава.

– Кирилл, показывай кабинет, – приказал Мухомор. – Я еще утром тебя предупреждал, чтобы порядок навел.

И ведь не соврешь, что ключи где-то забыл. Вот они, в руке...

Даже рассказывать не хочется, что произошло минуту спустя и что увидел Мухомор в моем «публичном» кабинете.

Короче говоря, сейчас сижу, пишу рапорт. Пока что с объяснениями по поводу случившегося акта. А через пару недель сяду писать другой – на увольнение по собственному. Две недели – срок для сдачи дел. Обидно. Но попробуй, объясни, что все обвинение Саввы держится на его чистосердечном признании и, пойди он сейчас в отказ, мы его – на свободу с чистой совестью. Ведь даже потерпевший Пеликан лопочет, что в парке неизвестные пырнули, не говоря о всей пивной гопоте, которая клянется, что ничего не видела. А чтобы не пошел Савва в отказ, надо с ним дружить и прихоти его незатейливые исполнять. И сигаретки, и Маришку. Да и по жизни-то, сами поймите. Мужик только через восемь лет к бабе подойдет.

Но замполиту до наших мулек дела нет – он даже больше Мухомора распылялся. Как же так, товарищ Ларин? Ведь вам утром русским языком было сказано, чтобы вы навели порядок в кабинете, потому что новый начальник Главка ездит по отделениям и проверяет условия работы. И все на камеру снимает. Даже пустые бутылки и окурки в углах. А у вас... Ну ни в

какие ворота! Порнографический фильм можно было снять. Подумать только – особо опасный рецидивист в кабинете у капитана милиции, прямо на столе, на секретных и не очень секретных бумагах, пашет свою сожительницу, а этот самый капитан стоит возле дверей на шухере. Позор! Абсурд!

И ведь не докажешь, что Савву в тот момент мои «секреты» интересовали, как меня стоимость «БМВ» на черном рынке. У него тогда был строго определенный интерес. Закончить начатое дело. И у меня тоже – отправить Савву в тюрьму, чтобы он больше кишкорежом направо и налево не махал.

Но в рапорте я этого писать не стал. Написал какую-то ерунду про то, что все получилось как-то случайно, без моего злого умысла.

Н-да...

Покачавшись на стуле, я отнес рапорт замполиту, вернулся в кабинет, потосковал немного и опять пошел в дежурку за Саввой. Его надо бы опросить письменно, а то его чисто-сердечное признание – не документ, так, бумажка.

– Влетело? – поинтересовался Савва, мигом догадавшись по моему лицу о постигших меня маленьких неприятностях.

– Да, так... Разберусь. – Не хотелось откровенничать с Саввой. Он, в конце концов, тоже хорош. Обещал с девкой десять минут поболтать, а сам вон что устроил. Стрелец.

Я быстро записал показания, дал расписаться и поднялся, чтобы отвести его назад в камеру.

– Андреич, погоди. Я понимаю, подставил тебя. Но ты мужик. Савва слово держит. Сочтемся.

Я махнул рукой.

– Брось ты...

– Да я не о деньгах.

– А я бы и не взял.

– Я знаю. Секретик один могу подарить. Пригодится.

Я посмотрел на Савву и снова опустился на стул. Савва – мужик знающий и просто так ветер гонять не станет.

– Что за секретик?

– Ты Захарова знаешь?

– Певца?

– Нет, не певца. Бандита.

– А, Витю? Авторитета?

– Для меня он не авторитет. Во кто он для меня. – Сав-ва сплюнул сквозь зубы на стену. – Для мудаков бритых он, может, и авторитет. А я с ним срок мотал, у него валютная статья была. В одном отряде чалились. Так он, гнида, за десять метров перед прапорами спину гнул. А сейчас – авторитет. Ха. Чмо он, а не авторитет. Я – вор, а он – чмо.

– Ну, а дальше?

– Тачка у него такая навороченная – черный «Мерс». Там в салоне, под рулем, тайник есть. Давишь на сигнал посильнее, тайничок и открывается. В нем ствол, ТТ-шник и граната. Тайник грамотно сделан, черта с два найдешь. Оружие постоянно там. Витек – ссыкливый по натуре.

Ну, насчет «ссыкливости» Захарова я сомневался. В милицейских, да и в бандитских тоже, кругах он слыл беспредельщиком, и его группировка считалась одной из самых жестокых в городе. А потому зуб на Захара имели многие.

– Откуда про пушку знаешь?

– В вечерних новостях услышал.

– Понятно. Многие еще слышали?

– Не знаю. Может, кто и слышал.

– Я ж не просто так спрашиваю. Захар не врубится, откуда наколочка пошла?

– Да плевать мне, врубится он или не врубится. Я-не он, не боюсь. Если хапнете его с пушкой, можешь на меня ссылаться. Так и передай, что Савва тебя вломил. Чтоб знал. Козел.

Я усмехнулся. Не поймешь этих блатных. Настучать ведь за-падло, а все равно стучат. Хотя слово «стук» здесь немного неуместно. Скорее, обмен информации на определенные услуги.

– Ладно, пошли, – произнес я и вывел Савву из кабинета.

ГЛАВА 2

Все жизненные передраги надо переносить стоически. Когда все время хорошо – это тоже плохо. Потому что расслабляешься. Расслабишься, разнежишься, и тут тебя жизнь тяп доской по башке, а ты и не готов. Поэтому в душе надо быть вечным пионером – «Всегда готов!» – и любую жизненную проблему воспринимать спокойно, без суеты. Не бегать, не кричать: «Ах, мамочки, что же теперь делать?!»

Поэтому я не бегаю и не кричу. Я лежу. Лежу на мягком диване в комнате своей хорошенькой знакомой с очаровательным именем Виктория. Лежу не просто так, а смотрю в потолок и думаю. Решаю очередную жизненную проблему. Весьма прозаичную. Что я теперь буду делать. В смысле работы. Чему посвятить оставшийся отрезок жизни. Можно податься в медицину, которую я бросил на пятом курсе института. Но не тянет. Тогда пойду... Нет, не пойду. Тоже не тянет. Н-да-а...

Ладно, не будем пока переживать. Еще две недели, стало – быть, время есть. Не люблю гадать, что будет завтра. Живу-то сегодня.

Вика принесла с кухни кофе. Я поднялся с дивана, завернулся в простыню и взял чашку. Так, не проронив ни слова, мы просидели минут десять, прислушиваясь к грохоту трамваев за окнами. Прибавьте к этому гудки машин, карканье ворон и лай собак и получится весьма неплохая музыка – что-то в стиле раннего «Пинк Флойда». Отличный аккомпанемент под кофе. Однако это не концерт и я не в зрительном зале. Пора списывать материалы и сдавать дела. Я сходил, умылся, оделся, естественно, чмокнул Вику, пожал лапу ее ньюфу Бинго, вышел на улицу имени раннего «Пинк Флойда» и поехал в отделение.

О маленьком секрете Саввы я позабыл уже через день после нашей беседы, а через неделю он у меня и вовсе из головы вылетел. Я же не компьютер, чтобы все помнить, особенно когда вся моя карьера находится под угрозой. У меня сейчас другие заботы. В соседнем отделении есть вакансии дежурного. На всякий случай, надо иметь в виду.

Я разгребал свой стол, сортируя бумаги – какие в помойку, какие в отделенческий архив. Другой альтернативы нет. Так, это что такое? Усовка – запрос в информационный центр о судимости какого-то хлопца. Я улыбнулся. У совочка старенькая, проверялась вручную. Сейчас компьютер все проверяет. А тогда девочки сидели. И поэтому вверху запроса моей рукой было приписано: «Лети с приветом, вернись с ответом. Целую. Ларин». Девчонка из информационного центра юмор понимала и на обратной стороне после сведений о судимости приписала уже своей рукой «Уволить дурака из органов». Достойный ответ... Увольняют.

Я разорвал усовку и выкинул в корзину. Туда же отправились старые, использованные бумаги, копии моих отказников, яблочные огрызки, хабарики и пивные пробки.

Зашел дежурный. Как-то по-другому, не как всегда. Обычно он или звонил, или влетал как ураган, если что-нибудь приключалось, и в приказном порядке гнал меня на происшествие. А сейчас тихо зашел, без суеты. В отделении, конечно, уже знают, что я на волоске, а может, уже и совсем того...

– Кирилл, ты это, того?... Еще в графике?

– Я это, того, еще в графике.

Дежурный приободрился.

– Тогда, на заявочку. Ножевое, «скорая» дает. Возле рынка, в ларьке.

– Вообще-то я не по заявкам.

– Антипов кражу оформляет, а ты в резерве.

Мне, честно говоря, не очень-то хотелось ехать на ножевое. Время – полдень, скоро обед, а тут... Но ничего не попишешь. Еще неделю надо честно выполнять долг.

– Ладно, сейчас подойду.

– Побыстрее давай. Позвонили со «скорой», они уже там, забирают. Надо выяснить, в чем дело.

– Хорошо, иду.

Минут через пять, выскочив из УАЗика, я уже подходил к ларьку. Желтая машина реанимации еще не уехала. Возле ларька толпились любопытные и возмущенные граждане.

– Это среди бела дня...

– У нас что, Чикаго?..

– Стрелять надо, сволочей!..

– У вас закурить не найдется?..

– Нет, я не здесь брал. Вон, на рынке, там по две сто...

Вот такой винегрет.

Минуя толпу, я подошел к «скорой».

– Милиция. Что у нас приключилось?

– Три ножевых, все проникающие, два в живот, одно под сердце.

– Помрет? (Заметьте, не «жить будет», а «помрет». Просто настроение плохое.)

– Не должен. Молодой.

– Что говорит?

– Зашла команда. Трое бритых. Потребовали денег, он отказал, его и ткнули.

Я оглянулся на ларек.

«Овощи-фрукты». Совсем, что ли, рехнулись? Нашли кого грабить. Врач не дал развиваться моей дедукции.

– Ваша фамилия?

– Ларин.

– Участковый?

– Опер.

– Хорошо. Мы уезжаем. В институт скорой помощи.

Врач записал мою фамилию, я записал бортовой номер его машины, и мы раскланялись.

Я направился к ларьку. В чисто познавательных целях хочу ознакомить вас с местоположением данного объекта. Он стоял рядом с забором, ограждающим рынок, в ряду других таких же ларьков, где продавалась всякая всячина, начиная с расчесок и кончая телевизорами. В нашем ларьке, как я уже упоминал, продавались овощи и фрукты. Вернее, их продавал тот, кто уехал на «скорой» в качестве пассажира. В соседних ларьках тоже сидели продавцы, но они пока были живы-здоровы. Место очень людное, а стало быть, ребята лихие. Ну, понятное дело ночью продавца в ларьке опустить. Никаких вопросов не возникает, особенно если он водкой торгует, а не редиской. А тут... Точно беспредел.

Я заглянул в ларь. Там уже суетился мужичок, подбирая раскиданные в пылу борьбы бананы, помидоры и киви. Когда он повернулся ко мне, я увидел смуглое лицо кавказца. Он встревоженно посмотрел на меня, затем, вероятно узнав, протянул руку.

Лично я с ним знаком не был, но так как на рынок заходил частенько, то не раз видел его раньше, крутящимся вокруг ларьков.

– Здравствуйте, – произнес он почти без акцента. – Из милиции?

Это он на всякий случай.

– Из нее.

Парень был азербайджанцем, я немного научился различать, кто есть кто среди «черных». Мало того, я вовсе не относился к ним предвзято, как большинство наших сограждан. Хотя, конечно, и среди них встречаются мудаки, и не просто мудаки, а с большой буквы «М». И даже в достаточном количестве. Но есть и ничего мужики. Если не бандиты, а, к примеру, честные жулики. По крайней мере, подход к уличной торговле у них посерьезней нашего. Что бы в их ларьках не продавалось. Как говорится, чувствуется рука хозяина.

В нашем ларьке как раз такая рука и чувствовалась. Она старательно смывала кровь с пола. А голос уже объявлял цену на бананы, потому что ценник куда-то залетел. Но при виде меня хозяин тут же прекратил суету и присел на стульчик,

– Фамилию продавца знаем?

– Конечно, конечно. Вот.

Он протянул ценник, на обратной стороне которого фломастером было написано: «Стариков Степан Евгеньевич».

– Сколько лет?

– Кому, мне?

– Степе.

– А, где-то двадцать. Я точно не знаю.

– Адрес?

– О, не знаю. Надо в офисе смотреть.

Хорошо звучит. Офис. Небось, какая-нибудь квартира, снимаемая у пьяницы, а все туда же – офис.

– Ладно, потом посмотрим. Ларек ваш?

– Да, да. ИЧП «Аракс».

– Торгуем только едой?

– Нет, еще два ларька, там – спиртное, шоколад, же-вачка...

– Ясно, можете не продолжать. Паспорт ваш, будьте добры.

– Да, пожалуйста.

Еще одна особенность южных продавцов – все время паспорт при себе.

Я переписал данные в блокнотик и вернул документы хозяину.

Заглянул участковый из нашего отделения.

– Кирилл, привет. А говорят, ты уже того, на гражданке.

– Здорово. Только ваши сведения устарели. Я оставлен в органах и представлен к правительственной награде за безупречную службу. Будь другом, поболтай с людьми, кто что видел.

Участковый скрылся за дверью и ринулся в толпу зевак.

Я обернулся к хозяину.

– Ну-с, что все-таки произошла?

– Я, понимаешь, на рынке был, сам не видел. Где-то в полдвенадцатого сюда заглянул, Степа торговал. Я туда-сюда. А через полчаса меня нашли, кричат – продавца твоего зарезали. Я в ларек. Степа лежит весь в крови. Суки поганые. Я «скорую» вызвал, затем к Степе, что да как? Он ничего, в сознании. Говорит, зашли трое в черных куртках, нож поставили, деньги давай требовать. А что тут Степа наторговал? Ну, на сотню штук, не больше, со вчерашним остатком. Он им так и сказал, что нет денег. Один – к кассе, Степа руку-то его перехватил, а второй – ножом. Деньги взяли и смылись. Вроде, на машине, как люди говорят.

– Присмотр он не называл?

– Да нет, не до того ему было. Сказал, что лет по двадцать – двадцать пять всем.

– Отличненько. Ну, и какие мысли по поводу резни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.